

«ВОРОНЕЖСКИЙ СЛЕД» В «БЕЛОЙ КНИГЕ ПО ДЕЛУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: статья посвящена анализу письма Воронежских деятелей искусств, помещённых в «Белую книгу по делу Синявского и Даниэля». Автор исследует мотивы его создания, выявляет специфику регионального восприятия судебного процесса, расколовшего столичную интеллигенцию. Исследовательница приходит к следующему выводу: авторы воронежского письма показали универсальные модели поведения как для столицы, так и для провинции. Резонанс суда над Синявским и Даниэлем в Воронеже был незначительным.

Ключевые слова: «Белая книга по делу Синявского и Даниэля», неконформисты, либеральная советская интеллигенция, диссидентское движение, стратегия власти.

Abstract: this article analyzes the letters of Voronezh artists, placed in the «The White Paper On the Case Of Sinyavsky and Daniel». The author examines the motives of its creation, reveals the specifics of the regional perception of the judicial process, split the capital's intelligentsia. The researcher came to the following conclusion: the authors of the Voronezh letter showed universal patterns of behavior for the capital and the province. The resonance of the trial of Sinyavsky and Daniel in Voronezh was insignificant.

Keywords: «The White Paper On the Case Of Sinyavsky and Daniel», non-conformists, liberal Soviet intelligentsia, dissident movement, strategy of power

«Дело Синявского и Даниэля» занимает рубежное положение в культуре 1960-х годов. Запреты и разрешения художественных явлений (выставок, спектаклей, книг), чередующиеся в начале десятилетия, во второй половине всё явственнее сменялись ужесточением позиции власти. В свою очередь в общественном сознании процесс над писателями, опубликовавшими за рубежом «непроходные» в отечественной печати тексты, выявил очевидное размежевание на консерваторов, солидаризировавшихся с властью в намерении наказать «внутренних врагов», и либералов, убеждённых в недопустимости юридического преследования за реализацию свободы слова.

Подлинная значимость события во многом определяется силой общественного резонанса. В сравнении с «делом Бродского», носившим локальный характер, процесс над Синявским и Даниэлем был громким: власть стремилась взять реванш за пересмотр результатов предыдущего процесса и продемонстрировать решимость в борьбе с инакомыслием. Следствие и ход суда контролировали высшие органы власти – Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, включая лично Генерального секретаря Л. И. Брежнева. Вёл процесс председатель Верховного Суда РСФСР Л. Н. Смирнов. Авторитет судьи должен был успокоить соотечественников в отношении возмож-

ной необъективности и продемонстрировать мировой общественности высокий профессионализм ведения процесса.

Либеральная общественность увидела в новом судебном разбирательстве явный признак возвращения сталинских методов управления страной и ответила широкомасштабной «петиционной кампанией» в защиту писателей. Западная пресса, возмущённая самим фактом уголовного преследования за художественные произведения, разразилась гневными статьями и протестами. В «Белой книге по делу Синявского и Даниэля» содержится 29 документов зарубежных авторов (статьи, письма, обращения в Секретариат СП, членам правительства), многие из которых подписаны коллективно.

Казалось бы, важность процесса продемонстрирована весьма наглядно. Однако насколько глубоко затронуло «дело Синявского и Даниэля» региональное общественное сознание? Воспринималось ли оно провинциальной интеллигенцией столь же остро и болезненно, как столичной? Ответы на эти вопросы позволят, оценив степень резонанса процесса в провинции, уточнить масштаб явления. Задачами исследования являются также выявление общепринятых поведенческих моделей столичной и местной интеллигенции, определение специфики стратегии поведения воронежского партийного руководства и интеллигенции в нашумевшем московском деле.

Предметом исследования послужила «Белая книга по делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля», составленная в Москве А. Гинзбургом по горячим следам процесса в 1966 году и повторенная издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне в 1967. В ней наше внимание привлёк один из текстов, иллюстрирующий ответную реакцию общественности на процесс, – письмо воронежских деятелей искусств.

Текст «Белой книги» состоит из 185 документов, отражающих все стадии процесса: арест писателей, следствие (первая часть), стенограмма суда и сопровождающая его кампания в отечественных и зарубежных СМИ (вторая часть), послесудебные акции власти и общественности (третья часть). Анализ собранных материалов позволяет выявить полный спектр аргументов защиты и обвинения, использованных в ходе процесса сторонниками и противниками обвиняемых.

В 1960-е годы в идеологической стратегии власти произошли изменения, повлёкшие за собой некоторую корректировку образа «внутреннего врага». Тезис 1930–1950-х годов об усилении классово-борьбы по мере строительства социализма, определявший уголовные процессы сталинской эпохи, сменился идеей единства советского народа, победно движущегося к высшей фазе исторического развития – коммунизму. Соответственно, внутри сплочённого общей целью народа могли возникнуть лишь частные проявления «мелкобуржуазных настроений». Так в пропагандистских кампаниях на смену образа затаившегося классового врага пришёл новый персонаж – «отщепенец», «внутренний эмигрант», как в деле Синявского и Даниэля. Пропагандистская кампания по борьбе с очередным «внутренним врагом» всякий раз имела целью сплотить народ вокруг государства, подготовить массовое сознание к однозначной оценке уголовного процесса над «фигурантом дела». Отечественные СМИ реализовывали идеологическую стратегию традиционными методами – публикацией разоблачительных статей и фельетонов, отчётов «из зала суда» и «писем трудящихся» с требованием сурово покарать преступников.

В случае Синявского и Даниэля власть учитывала негативный резонанс ареста писателей в среде творческой и гуманитарной интеллигенции. Потому именно коллеги должны были выступить с разоблачением и осуждением арестованных. Это создавало в глазах массового читателя эффект самоочищения сообщества от недостойных членов. Поскольку процесс носил уголовный характер, в ходе следственных мероприятий состоялась экспертная оценка произведений литераторов, подтвердившая антисоветский характер текстов Синявского и Даниэля. Так, руками коллег была юридически обоснована очередная расправа с инакомыслящими.

Суд проходил в Москве с 10 по 14 февраля 1966 года, а месяцем раньше, 13 января, «Известия» опу-

бликовали обличительную статью одного из секретарей Московского отделения Союза писателей, прозаика, критика, лауреата Сталинской премии 1952 г. Д. Ерёмкина «Перевёртыши». Предваряя решение суда, автор именовал задержанных изменниками, антисоветчиками и предателями, обнаруживал в их произведениях «провокационный призыв к террору», то есть, по существу, объявлял литераторов виновными по инкриминируемой им статье. Нарушение презумпции невиновности не смущало автора, но возмутило либеральную общественность.

Однако идеологическая кампания могла считаться состоявшейся только при массовой поддержке читателей. Для этих целей редакция поместила 18 января отклики на статью Ерёмкина, объединив три письма под одним названием «Клеветники-перевёртыши». География писем весьма примечательна: одно из них пришло из Баку, другое – из Воронежа, третье – из Латвии. Масштабность региона – от Средней Азии до Прибалтики – должна была стать дополнительным подтверждением сплочённости народа в противодействии идеологическим противникам.

Композиционно и лексически текст воронежского письма дублировал статью Ерёмкина. Тот начинал с обвинения в пособничестве литераторов «врагам коммунизма». Затем следовал псевдоанализ их текстов, составленный из разрозненных и произвольно собранных воедино цитат (при этом фрагменты прозы Синявского иной раз приписывались Даниэлю), в финале звучало требование от имени народа без малейшего снисхождения покарать «нравственных уродов». Воронежские авторы не искали новых способов осмысления явления, а попросту составили компиляцию статьи предшественника. Письмо называлось «Таких не прощают» и было подписано руководителями ведущих творческих коллективов города: А. Людмилиным являлся главным дирижёром музыкального театра, М. Подобедов, как и Ерёмкин, руководил писательским союзом; П. Монастырский был главным режиссёром театра им. Кольцова. «Представительность» авторов выдаёт организованность акции партийным руководством: один персонафицирует мнение музыкальной общественности, другой – писательской, третий – театральной. А вместе якобы воплощают позицию всей творческой интеллигенции города.

При этом стратегия провинциальных властей в «вегетарианские» 1960-е годы значительно отличалась от 1930-х, когда руководство было обязано дублировать на местном уровне общегосударственные кампании по искоренению «внутренних врагов». Теперь стало возможным ограничиться формальным участием: инициировать письмо поддержки столичного судебного процесса, но не давать делу излишнюю огласку, способную всерьёз взбудоражить местную интеллигенцию, не втягивать её

в опасную для общественного покоя дискуссию. Организовав «письмо трёх», обком счёл миссию по отражению идеологической диверсии выполненной и потерял к этому делу всякий интерес. Печатный орган обкома партии газета «Коммуна» даже не перепечатала письма воронежцев из «Известий», очевидно, не получив соответствующих распоряжений. В свете приближающихся знаменательных событий (XXIII съезда партии, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50 летия советской власти) силы местных партийных руководителей были направлены на достойную организацию торжеств. Мероприятия отдела агитации и пропаганды обкома партии: совещание-семинар по идеологической работе [2], совещание журналистов (ноябрь 1966 г.) – ставят ряд текущих задач, означают проблемы агитпропа и не упоминают «дела Синявского и Даниэля» или реакции на него воронежцев [3].

Надо признать, что интеллигенция города и не давала оснований для серьёзного беспокойства ни партийному руководству, ни местному КГБ. Воронеж не переживал диссидентской активности. «Оттепель» проявляла себя в циркуляции сам- и тамиздата, привозимого из Москвы, организации Дней поэзии и самодеятельных театров при университете (театр Миниатюр, театр Песни), однако к публичным протестным акциям местная либеральная интеллигенция склонностей не имела. Самым заметным нонконформистским поступком оказалась попытка издания студентами-филологами ВГУ Марком Бентом и Вадимом Куропаткиным самиздатского журнала «Открытый взгляд», закончившаяся исключением обоих из вуза. Как и большинство членов творческого и интеллектуального сообщества по всей стране, воронежцы желали «труда со всеми соображениями и заодно с правопорядком», предпочитая профессионализм идеологическим баталиям. Примером независимого писательского поведения может служить поздравительная телеграмма поэта В. Г. Гордейчева в адрес опального А. И. Солженицына в связи с пятидесятилетием последнего (1968 г.). Поскольку сообщение об этом прозвучало в зарубежных «голосах», местная власть не смогла не отреагировать: беседы литератора с партийными руководителями закончились угрозой исключения из партии. В результате Гордейчев вынужден был уйти с поста руководителя Воронежской организации Союза писателей.

Словом, интеллигентское сообщество не было ни инертным, ни бездумным. Но оно было разноликим, и по-разному вело свой диалог с эпохой.

Авторы обличительного послания по нравственно-этической позиции, да и по психологическому типу весьма различались.

Шестидесятидевятилетний Максим Михайлович Подобедов, в 1966 г. глава местной писательской организации, был, безусловно, в этой «тройке» «ко-

ренник». С юности работавший на ниве агитпропа, он пришёл в литературу из рабкоров. Позиция «пролетарского писателя» определила его социальное восхождение: в конце 1920-х он руководил в городе ассоциацией пролетарских писателей. В 1934 году в числе других делегатов-воронежцев участвовал в работе первого съезда советских писателей и, конечно, чрезвычайно гордился знакомством с М. Горьким, А. Фадеевым, А. Серафимовичем. Член партии с 1920 года, он всегда оставался убеждённым коммунистом и в оценках коллег руководствовался революционным правосознанием.

Классовое чутьё никогда не подводило «железного Макса», как прозвали Подобедова воронежские литераторы. В 1936 году в ответ на выявление в столице «троцкистско-зиновьевского террористического центра» в Воронеже обнаружилась «правотроцкистская вредительская террористическая организация». Отпор ей был дан не только в среде партийного руководства (десятки человек были репрессированы, включая первого секретаря обкома партии Е. И. Рябинина и председателя Воронежского облисполкома Д. А. Орлова), но и на литературном фронте. Подобедов, в то время редактор журнала «Подъём», активно включился в противодействие «чуждым по духу идейным установкам» в творчестве своих коллег Л. Завадовского и Б. Пескова (упоминание об этом факте находим в статье И. Чирейского «"Каникулы" в Союзе Писателей», опубликованной 16 сентября в газете «Коммуна»). К «личностям с путанными и вредными теориями» относился тогда и ссыльный О. Мандельштам. 4 апреля 1937 года состоялось общее собрание писателей Воронежской области. На нём, подводя итог трёхлетнему общению писательской организации с поэтом, местное отделение ССП констатировало неоднократный отпор «классово-враждебным элементам, пытавшимся сблизиться с союзом писателей, найти для себя трибуну (Стефен, Айч – в 1934 г., О. Мандельштам в 1935–36 гг.)». Председателем того собрания был ответственный секретарь отделения Союза писателей Подобедов.

Ортодоксального марксиста, наверняка, не пришлось долго уговаривать подписать «открытое письмо», выдержанное в стилистике, привычной ему с юных лет. Воззвание явилось органичным проявлением гражданской позиции, не поколебленной ни ветрами «оттепели», ни «перестройкой».

В трудовой биографии Подобедова был эпизод, деликатно умалчиваемый им впоследствии: в 1942 году, во время наступления фашистов на Воронеж, он фактически дезертировал, бросив на произвол судьбы книжное издательство, возглавляемое им и требующее эвакуации. За что и получил выговор по партийной линии.

В то же время другой «подписант», Пётр Львович Монастырский, начинающий режиссёр и директор

театра драмы (двадцатипятилетний выпускник ГИТИСа прибыл в Воронеж в 1940 г), дважды эвакуирует театр: в 1941 году в Сызрань, с последующим возвращением в Воронеж и через несколько месяцев, в 1942, в Башкирию, Стерлитамак. Воспоминания, написанные спустя полвека, передают атмосферу тех грозных лет [4, 94–120]. Образно и ярко, будто пережил это вчера, режиссёр описывает дежурство на крыше театра, сброшенные зажигательные бомбы, гибель здания от вражеского снаряда, продолжающиеся представления на временной сцене в Первомайском саду, тяготы эвакуации и многое другое. Спасением Воронежского театра в годы войны Монастырский заслуженно гордился до конца жизни.

Гораздо меньше, вскользь, упоминает он второе пребывание в городе в 1965–1967 годах, в период реконструкции куйбышевского театра, где в то время занимал пост главного режиссёра. Временная, как изначально планировалось, работа в должности главрежа воронежского коллектива означилась новыми спектаклями (М. Шатров «Шестое июля», П. Проскурин «Горькие травы», А. Андреев «Рассудите нас, люди!»), о которых автор вспоминает с удовольствием, да тем злосчастным письмом, не упомянутым ни единым словом.

Трудно поверить, что Монастырский забыл этот эпизод своей жизни. Скорее, предпочёл забыть, как о поступке вынужденном, продиктованном, возможно, партийной дисциплиной (членом ВКП(б) он стал в 1944 году) или обычной житейской прагматикой. Отказ подписать письмо мог обернуться нештучными неприятностями не только лично ему, но и всему коллективу.

Вероятно, схожими соображениями руководствовался и Анатолий Алексеевич Людмилин – дирижёр Музыкального театра. Воронежец с четырёхлетним стажем (Людмилин прибыл в город в 1962 г. и скончался в 1966, через несколько месяцев после подписания письма), он остался в памяти коллег мастером большой эрудиции и высокой квалификации. Однако материалы парткома театра сохранили свидетельства конфликтной ситуации, сложившейся в коллективе в 1965 году, как раз накануне подписания «письма трёх» [5]. Противоборствующими сторонами выступали директор Н. П. Садковой с главным режиссёром С. А. Штейном против художественного руководителя и главного дирижёра Людмила. Обоюдные претензии были вызваны угрозой срыва репертуарного плана. Взаимные обвинения и обиды, столь частые в творческой среде, выглядели бы сегодня делом малозначительным, если бы не характеризовали шаткое положение главного дирижёра, явно не привыкшего отступать перед кознями и интригами противников. Народный артист РСФСР (1958 г.), Лауреат двух Сталинских (1947 г., 1951 г.) и Государственных премий (1946 г., 1950 г.) по праву рассчитывал на уважение коллег

и не собирался сдавать позиции. Письмо, способное упрочить положение дирижёра в глазах местного партийного руководства, могло быть расценено как приемлемый тактический ход во имя благой цели – творчества. За четыре года художественным руководителем было поставлено более 10 спектаклей, театр вошёл в число ведущих художественных коллективов страны. Возможность спокойно и интенсивно заниматься любимой работой предполагала соблюдение правил политической игры, в том числе участие в идеологических кампаниях. Пожалуй, так мог рассуждать член партии, дирижёр, стремившийся в те годы к самореализации. И безусловно, эта жизненная позиция была не уникальной, а напротив, весьма распространённой в творческих кругах.

Безусловно, убеждение в необходимости соблюдать партийную дисциплину, или откровенный конформизм, или эскапизм – любой из этих доводов вполне убедителен при желании уговорить себя на поступок, сомнительный с этической, но необходимый с житейской точки зрения. Очевидно, что воронежцы руководствовались различной мотивацией, однако практическая реализация оказалась одна – требование беспощадной расправы с вольнодумными коллегами.

Суд, состоявшийся в феврале, приговорил Синявского за три антисоветских рассказа к семи годам лагерей и Даниэля за один – к пяти. Чрезмерность наказания была столь очевидна, что потребовала новой аргументации как со стороны властей, так и от защитников литераторов. На этот раз помимо страниц отечественной и зарубежной печати, продолжавшей активно комментировать процесс, была задействована трибуна XXIII съезда партии, начавшегося через месяц, 29 марта 1966 года.

Пропагандистская риторика, сопровождавшая все партийные съезды, в этот раз основывалась на тезисе о непрерывности революционных традиций. Славное историческое прошлое требовало от современников доказательств их классового чутья. В этом духе выдержал речь на съезде М. Шолохов, потребовавший покарать преступников с позиции революционного правосознания первых лет революции. Его выступление точно соответствовало стратегии власти: утвердить в общественном сознании трактовку суда и приговора как исторически значимого деяния, подтверждающего связь эпох, прежнюю нетерпимость к скрытой контрреволюции.

Нравственную оценку выступлению Шолохова дала Л. Чуковская. В «Открытом письме Михаилу Шолохову, автору "Тихого Дона"» она напомнила Нобелевскому лауреату непреложную для художника истину: «Дело писателей не преследовать, а вступаться...» [1, 392]. «Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не тюрьмы и лагеря» [1, 394]. В этой гневной отповеди звучала не только боль за осуждённых, но

и презрение ко всем добровольным обвинителям из числа коллег, запятнавшим свою репутацию участием в позорном судилище.

Воронежская общественность не участвовала в постсудебных акциях. Интеллигенция расценила суд как сугубо столичное событие. Крупный промышленный и культурный центр (численность населения в 1966 г. – 620 тыс.) не был взволнован происшедшим в Москве. Газета «Коммуна» в дни судебного разбирательства перепечатывала статьи из столичной прессы (11 февраля (№ 35) – статья «Лицо клеветников»; 13 февраля (№ 37) – «Факты изобличают»; 15 февраля (№ 38) – «Клеветники наказаны». Авторство всех статей – корр. ТАСС), но тотчас забыла о нём после вынесения приговора. Никаких откликов читателей на процесс или его комментарий кем-либо из местных партийных руководителей газета не представила.

Итак, в восприятии, осмыслении и артикуляции собственного отношения к делу Синявского и Даниэля воронежская интеллигенция не выходила за рамки общепринятых поведенческих моделей, типичных для большей части советских граждан. Провинциальное равнодушие к активизации диссидентской активности в столице объяснялось убежденностью и местной власти, и общественности в стабильности существующего миропорядка. Движение протеста в Москве виделось событием малозначимым для судьбы не только родного города, но и общественного климата во всей стране.

*Воронежский государственный университет
Серебрякова Е. Г., кандидат филологических наук, доцент
кафедры культурологии
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

Дальнейшая эскалация напряженности между либеральной интеллигенцией и властью во второй половине 1960-х – 1970-е годы была продиктована явным преувеличением опасности, якобы исходившей от нонконформистов для государства. В то же время механизм и характер репрессивных действий всё очевиднее свидетельствовал о неспособности власти вступить в диалог с общественностью и провоцировал ещё большее отчуждение либеральной интеллигенции от государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга по делу Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. – Москва, 1966. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1967. – 430 с.
2. Стенограмма областного совещания-семинара по идеологической работе 14-15 ноября 1966 г. // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 3. Оп. 52. Д. 392. Кор. 3203.
3. Доклад секретаря обкома КПСС В. П. Усачёва на совещании журналистов «О задачах печати, радио и телевидения на современном этапе». Ноябрь 1966 г. // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 3. Оп. 52. Д. 393-б. Кор. 3203.
4. Монастырский П. О себе и не только... / П. Монастырский. – Самара : ООО «Офорт», 2007. – 263 с.
5. Протоколы первичной партийной организации Воронежского театра оперы и балета // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 850. Оп. 1. Д. 29.

*Voronezh State university
Serebryakova E. G., Candidate of Philology, Associated
Professor of Cultural Studies Department
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*